

Свет далекой звезды

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Фигурка альпиниста в оранжевой штормовке постепенно превращалась в еле заметное пятнышко и затем слисла с громадой горного склона. И люди внизу, наблюдавшие за восхождением, видели только это. Им неизвестно было, как трудно там, наверху... До конца пути еще далеко, но уже нельзя остановиться, вернуться, хотя отерты руки и одолевает непомерная усталость...

НЕВОЛЬНО приходит на память этот образ восходителя, когда задумываешься о творчестве народного артиста Таджикской ССР Хашима Гадрова. Его вершины — более ста сыгранных ролей, поставленных спектаклей. И вот сейчас — новое восхождение: Таджикский академический театр драмы имени А. Лахути принял к постановке пьесу М. Горького «Егор Булычев и другие».

В главной роли выступит Х. Гадров, которого давно привлекал образ Булычева. Трудность роли — в том, что ее исполняли выдающиеся артисты страны, в том, что надо пойти своим путем, созвучным сегодняшнему времени.

С Хашимом мы беседуем в тесном редакционном кабинете. Актер поминутно встает, но пространство мало для него, чтобы измерить шагами, и он снова садится. Тот же взрослый порывистый юноша, с которым мы впервые встретились больше десятилетия лет назад. И лишь новые морщины и снег седины отражают бегущее время...

К Горькому Гадров шел со школьной скамьи, с того урока, на котором был потрясен рассказом о человеке, вызвавшем собственное сердце из груди, чтобы освещать путь людям. «Пойми, брат, это миссия искусства, актера — открывать людям глаза, светить им ценою собственного сердца», — говорит Хашим.

...Много лет назад в Азербайджане шли съемки фильма «Свет погасших костров». Эпизод, в котором должен был сыграть каскадер, Хашим взялся исполнить сам: со связанными руками, в седле, на всем скаку освободиться от роковой петли преследователей. Для безопасности трюка веревка должна была при первом натяжении развязаться. Но новичок в верховой езде, впервые оседлавший лошадь, привязав веревку к седлу, как следует. Когда лошадь понесла и сбросила незадачливого наездника, Гадрова вырвало из седла, обезумевшая лошадь влекла его к пропасти.

Нечеловеческим усилием ему удалось высвободить руки и достать старинный кинжал, отсек себя от скакуна, когда тот был на краю пропасти. Гадров видел, как упала туда несчастная лошадь. Через несколько минут к нему подоспел сконфуженный, готовый к любым упрекам виновник чуть не закончившегося трагически эпизода. «Помоги, друг, подняться», — сказал ему Хашим.

Один из многих эпизодов в жизни актера: на съемках «Рустама и Сухроба» стрела случайно не лишила его глаза.

Я просматриваю кипу газет и журналов прошлых лет. Сколько ролей и каких! Гамлет, Сухроб, Девона, Эдип. Герои больших страстей, высоких устремлений. И от каждого что-то осталось в душе. Верю: не сыграть Гамлета подлецу, человеку нечистому. Чтобы светить, надо гореть. Чтобы гореть, надо давать пищу огню — труд души. Трудиться яростно, самозабвенно, не ожидая наград и благодарностей.

В конце пятидесятых годов он учился в Государственном институте театрального искусства. После лекций Хашим берет работу на дом, готовит одноактные спектакли, ставит на студенческой сцене спектакли по произведениям Виктора Гюго, Назыма Хикмета, фрагменты из трагедий Шекспира. Им довольны наставники Б. В. Бибикоз и О. И. Пыжова.

Во внеурочное время пробоval себя в режиссуре на постановках А. П. Чехова, П. Мари-ме, увлекался Софоклом. «Мечтаю стать твоими первыми зрителями», — написали свой отзыв на эскизе постановки «Царя Эдипа» прославленные учителя Н. П. Охлопков и В. Ф. Дудин, обучавшие Гадрова на высших режиссерских курсах ГИТИСа в Москве.

КАК К СВЕТУ далекой звезды, тянется актер к познанию смысла жизни. Погружение в мир переживаний столь разных героев, вхождение в их образы наполнило душу человечностью. Зло, как и добро, — интернационально. Яго, Гамлет, Скупой рыцарь, Хлестаков и король Лир есть в каждом народе. Поверь, друг, это так. Мы летим в космос, поворачиваем реки и создаем моря, но еще не все сделали, чтобы избавиться от подлости, лицемерия, трусости, злой корысти. Мы много говорим о человеке, но еще не знаем его. Людям нужны герои, пробуждающие совесть.

В 1982 году в журнале «Театр» известный искусствовед А. Танюк писал:

«Я увидел в Таджикистане прекрасного Хлестакова, сыгранного Х. Гадровым в спектакле театра имени А. Лахути (постановка Х. Майболиева). Высокого роста, красивый, умный, Гадров-Хлестаков — это вовсе не попадавший в переплет пустозвон и «фитюлька».

Актер создает образ изощренного (в том числе и изощренного

по-восточному) авантюриста, который пытается разумно и с выгодой для себя манипулировать страстями толпы... Однако неверно было бы сказать, что Х. Гадров «переводит» Хлестакова «на таджикский» как бы по мотивам пьесы, игнорируя гоголевскую традицию. В созданном им образе нет никакого актерского своеволия. Это именно Гоголь — не только «Ревизора», но и «Мертвых душ», «Носа», «Портрета», «Записок сумасшедшего».

Эта оценка говорит о том, что актер не ограничивался освоением только роли, только одной пьесы. Он пропускает через себя все творчество писателя, отбирая в работе над персонажем главные штрихи. Гадров перечитал не только художественные произведения русского писателя, но и его публицистику. Интересуется и перепишкой. И вот удача: нашел в архиве письмо Гоголя к знаменитому Щепкину. Большой, прикованный к постели Гоголь заинтересованно следил за шествием его героев из пьесы «Ревизор».

Писатель был неудовлетворен трактовкой Хлестакова и писал об этом Щепкину: «Хлестакова должен играть самый серьезный актер». И Хашим Гадров ищет своего Хлестакова. Он делает его эскизные наброски, лепит в глине и писсе. В Таджикском государственном институте искусств имени М. Турсунзаде, наконец, осуществляет постановку «Ревизора» силами студентов. Небывалый случай — на сцену в разных картинах выходили разные Хлестаковы: четыре Хлестакова! А потом он уже сам играл эту роль, синтезировал единый образ. Оценивая его, ведущие специалисты театра говорили, что Хлестаков Гадрова был бы страшен и сегодня.

Именно на сегодняшний и на будущие дни работает артист. Он почти дословно цитирует строки из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии: «Повышать степень зрелости общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека». Этому он отдает все силы.

Актер замечен, о нем много пишут. Восторженно отзывались об игре Х. Гадрова солистка Большого театра СССР, народная артистка РСФСР, профессор музыкально-педагогического института имени Гнесиных Н. Шпиллер, побывавшая в составе комиссии Минкультуры СССР в Душанбе и смотревшая «Эдипа».

Газета «Советская культура» отмечала: «Эдип» появился после почти 20-летних попыток прекрасного актера Гадрова добиться разрешения на постановку». И вот в третий раз автор этих строк смотрит трагедию фиванского царя. Когда отгремели аплодисменты и опустел зрительный зал, мы встретились в его уборной. Сквозь густой грим на

лице актера проступал пот, Гадров едва держался на ногах. Он упал на жесткий стул и с присущей только ему непосредственностью, прямотой спросил: — Брат, скажи правду...

Я сказал, что мое сердце, наверное, не выдержало бы такой игры. Впрочем, Гадров не играл, он прожил жизнь Эдипа, царя-гражданина своего отечества.

— Скажу, друг, — промолвит много позже Хашим, — царь ослепил себя потому, что был человеком высокого долга и чести. Способен ли на это человек, у которого душа слепа? Если спектакль хоть что-то сдвинул в чертовой душе, пробудил совесть, считаю, что живу на свете не напрасно...

РАЗГОВОР наш шел о литературе, театре, о назначении человека — жить для других.

— Я играл Гамлета, — говорит Гадров. — Теперь думаю, что делал не то. Трагедия принца датского в его одиночестве. А разве сегодня, в толпе людей и даже в собственной семье человек не бывает одинок? Гамлета надо играть в зрелом возрасте, испытав горечь и радость, получив зарубки на сердце.

— Поверь, брат, Спартак — моя заветная мечта. Хочу попытаться показать, зачем живет человек, задать вопрос, зачем он враждует? Мы все дети планеты. Мы еще дети и целимся друг в друга из рогаток...

Этой высшей целью — облагородить души людей, помогать им становиться чище, добрее, продиктованы все мысли актера. Путь к Спартаку, к далекой звезде заставляет его много трудиться. Гость из Москвы, участвовавший в беседе с Гадровым в его театральной уборной, шепнул мне, когда актер снимал одежду царя Эдипа: «Посмотри — вылитый Спартак, лучше всех голливудских». Мозоли на руках и раны на сердце — это тоже подвизнический труд.

Машина времени — литература доставит Гадрова в античность. Там его ожидают встречи с римскими писателями, философами. Эти новые замыслы подстегивают актера, не дают ему покоя. Подумал: «Неужто снова двадцать лет придется Гадрову истратить на новый спектакль?». Каково же должно быть герпение у этого человека! Терпение к снисходительным умолчаниям, двусмысленным похвалам, тайной неприязни.

Очень давно в родной кишлак Хашима в поисках талантов приехали работники культуры. Мечтал он тогда стать летчиком, но гости попросили его босоножными оверстниками изобразить на ровном месте переправу по скользким валунам через горную речку. Ни у кого не получилось, а у него — сразу. Эта воображаемая речка стала его Рубином. Вызов был брошен!

Л. ПИЛЬМАН.
(Корр. ТаджикТА).